

УДК 398.21+82-242.4
ББК 82.3

Жучкова Анна Владимировна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской и зарубежной литературы,
Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Макляя, д. 6, 117198 г. Москва, Российская Федерация
E-mail: capra@mail.ru

ОБРАЗ ЛЯГУШКИ КАК СИМВОЛ ВНУТРЕННЕЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕРОЯ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Аннотация: Генезис фольклорного образа лягушки восходит к мифологическому прообразу, который у разных народов обладает как положительной, так и негативной семантикой. При множественности толкований образа лягушки, доминантой его мифологического значения при любой коннотации является связь с водой, стихией, которая при всей своей изменчивости обладает устойчивой информационной структурой и способностью к передаче информации. Отсюда, а также из-за природной предрасположенности амфибии к эволюционным трансформациям лягушка в фольклоре становится символом внутреннего изменения героев. В русской сказке о Царевне-лягушке и в немецких сюжетах о Принце-лягушке и Королевиче-лягушонке этот образ маркирует необходимость личностного роста персонажей. Метафизический сюжет о внутренней трансформации героя под влиянием любви из фольклора переходит и в средневековую житийную литературу. В сказании о Петре и Февронии Муромских мы обнаруживаем некоторые ключевые моменты фольклорного сюжета о Царевне-лягушке.

Ключевые слова: фольклор, лягушка, Принц-лягушка, трансформации, значение образа лягушки.

Значение образов животных в культуре и искусстве древних связано с магическими обрядами. В наскальной живописи и фольклоре изображение животного, как считалось ранее, может встречаться по трём причинам: как тотем, к которому обращаются за помощью и поддержкой, как враг, которого можно победить средствами симпатической магии, как жертва, которую подобным образом подготавливают к поражению. Сегодня концепция примитивно-хищнической первобытной культуры уступает место иным представлениям. Более достоверным представляется взгляд на прошлое человечества как на сбалансированную систему отношений между человеком и природой, построенных по принципу взаимодействия. Находится всё больше фактов, подтверждающих, что древний человек жил

в гармонии с природой, или, прибегая к научной терминологии, умел строить системные контуры обратной связи, о которых писал Грегори Бейтсон в книге «Экология разума» [2]. Современной европейской цивилизацией контуры взаимодействия практически утрачены, мы целенаправленно изменяем окружающее пространство, зачастую не осознавая, насколько ущербен этот путь для нас самих.

Возвращаясь к образам животным в искусстве древних, вспоминаю наскальную живопись в священном месте поклонения женщин на Алтае. На высокогорном плато вертикальные и горизонтальные скальные плиты испещрены изображениями самок маралов: в момент зачатия, беременности, родов и воспитания потомства. (И никаких изображений охотников со стрелами.) Здесь же находится искусственно созданное углубление для воды, на дне которого также различимы рисунки животных. Водой можно умыться или целиком окунуться в каменную чашу. Считалось, что природная сила и жизненная энергия маралов, сконцентрированная в наскальных изображениях и усиленная свойствами воды, которая, согласно современным исследованиям, является прекрасным хранителем информации, перейдёт к женщинам.

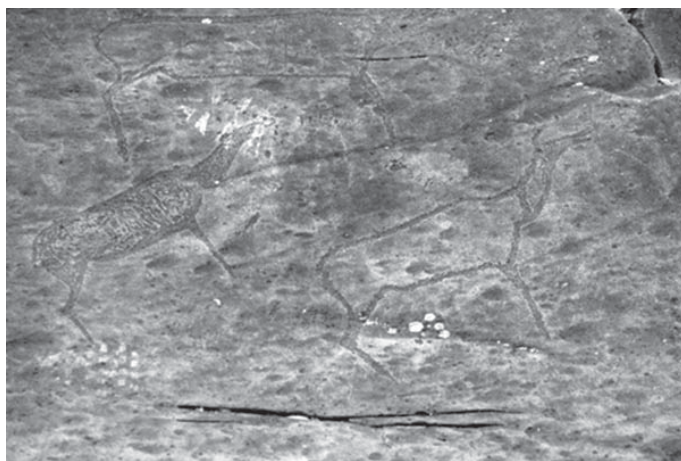

Рис. 1 — Маралихи с детёнышем

Так же мы понимаем роль искусства и сегодня — как создание эйдоса, т. е. образа, концентрирующего направленную творческую энергию и способствующего изменениям.

Возникает закономерный вопрос: какую силу имеет образ лягушки, в чём сила его как тотемного животного, чем земноводное может помочь человеку?

Прежде чем обратиться к репрезентации образа лягушки в фольклоре, совершим небольшой экскурс в мифологический генезис образа лягушки.

Это животное представлено в мифологии разных народов. Не будем говорить *всех*, так как не располагаем точными данными, но с большой долей вероятности дело обстоит именно так. Лягушачье присутствие значимо в мифологии американских индейцев, австралийских аборигенов, у народов Азии и в Индии, у славян и европейцев. Относительно Китая и Японии можно говорить даже о культе лягушки,

которая считается символом успеха и богатства, что связано с важной функцией воды и дождя в сельском хозяйстве этих стран. Однако не всегда образ лягушки позитивен. В европейской традиции лягушка (жаба) осмысливается как порождение тёмных сил, приспешница ведьм и наделяется разрушительной энергией. Аристофан в комедии «Лягушки» представляет в роли ахеронских лягушек хор насмешников и болтунов. Г. Х. Андерсен в неприглядном свете отражает лягушачье семейство в «Дюймовочке». Мыши, пауки, змеи и жабы — общепризнанные зооморфные воплощения зла. И надо отметить, что при *внезапной* встрече эти существа, действительно, вызывают у человека оторопь, у некоторых принимаящую форму фобии (офидиофобия — боязнь змей, ранидофобия — лягушек, родентофобия — крыс, аранофобия — пауков). Этот внезапный испуг, стрессовая реакция не детерминированы лишь неожиданностью их появления в поле зрения человека (эффект от внезапного появления, скажем, белки, далеко не настолько тягостен). Распространённую боязнь пауков, мышей и лягушек нельзя объяснить с рациональной точки зрения, в отличие от змей, они ничем не угрожают жизни и здоровью человека, так что остаётся признать наличие у этих существ определённых гипнотических свойств, оказывающих влияние на нашу психику.

Однажды встретила на лесной полянке жабу. Ощущение ужаса и определённой мистичности её появления помню до сих пор. Я увидела её внезапно и испугалась неизвестно чего. Секунд тридцать-сорок смотрела на неё, а она на меня. Когда стрессовая реакция стала проходить, я разрешила себе потихоньку уйти. Удивительно то, что я не боюсь ни жаб, ни мышей, ни лягушек. Напротив, в детстве очень любила играть с лягушатами и брать на воспитание грызунов.

Если проследить позитивные и негативные толкования образа лягушки в мифологии разных народов, то можно выявить одну общую доминанту — её связь с водой.

В негативном понимании связь лягушки/жабы с образом абсолютного зла берёт начало в идентификации её с подземными водами, первородным илом, из которого возник мир, т. е. с Хаосом как антитезой порядка и гармонии.

В позитивном ключе толкований связи лягушки и воды значительно больше.

- Как всё живое вышло из воды, так и лягушка, ассоциирующаяся с водной стихией, во многих мифологиях является символом плодородия. К тому же и сама по себе лягушка необычайно плодовита: количество икринок, откладываемых особью за один раз, может достигать 20 тыс. В русском фольклоре мы находим сюжет о том, что проглоченная с молоком или водой лягушка становится причиной беременности.
- Встречается образ жабы, на которой держится мир. Возможно, эта роль приписывается тем живым существам, которые могут жить и в воде, и на суше, манифестируя особую жизненную устойчивость.
- Однако чаще всего лягушку связывают с дождём. Магическая функция лягушки — хранильницы воды — отражена в сказках и поговорках разных народов: бродячий сюжет о том, как лягушка дождь выпрашивает; африканская сказка о лягушке, охраняющей колодец; примета, что нельзя убивать лягушку —

много дождей будет; русская пословица, что до первой грозы лягушка не квакает и т.д.

- В некоторых мифологиях (например, в Индии и Китае) лягушки воспринимаются как дети неба, «падающие» вместе с дождём. Иногда этот мотив, развиваясь, приводит к представлению о детях или жене бога, превращённых в лягушек, что перекликается с европейским и русским сказочным сюжетом о Принце или Царевне-лягушке.

Есть ещё одно значение образа лягушки, не связанное напрямую с водой, однако представляющееся нам важным. Оно относится скорее к современному фольклору и эзотерическим толкованиям (образы медитаций, сновидений и т.п.) и подразумевает восприятие лягушки как символа изменения, самосовершенствования. Если оценить динамику трансформаций, испытываемых лягушкой на протяжении жизни: от икринки — в немного хвостатого головастика — и в земноводное прыгающее и громогласное существо, то нельзя не прийти к выводу, что заложенное природой могучее стремление к изменению является ведущим тотемическим свойством этого животного.

Известная книга Р. Бендлера и Д. Гриндера, основателей психологической практикоориентированной методики НЛП, которая позволяет человеку совершенствоваться, меняя личную картину мира («карту реальности») и работая с подсознанием, называется «Из лягушек в принцы». Собственно, о лягушках в этой книге ничего не сказано, но метафизическое содержание образа лягушки как символа внутреннего изменения соответствует идейному послылу книги.

Да и несомненная связь лягушки со стихией воды говорит нам о заложенной в этом символе способности к изменчивости, трансформации при сохранении базовых характеристик внутренней структуры. Вода текуча, принимает форму любого предложенного сосуда — но остаётся сама собой. Вода мягка — и необычайно тверда. Вода движется — и при этом обладает удивительными свойствами хранения и передачи информации, что доказывают исследования современного учёного, доктора биологических наук С. В. Зенина, рассматривающего воду как «объективно существующую информационную систему» [7, с. 56].

Значение лягушки как символа трансформации при сохранении базовых характеристик личности представляется нам ведущим мотивом её репрезентации в фольклоре. Объектом нашего изучения стали две сказки: о Принце-лягушке в немецком фольклоре [5] и о Царевне-лягушке в славянской традиции [1]. Символический смысл здесь проступает тем отчётливее, что изоморфные образы Принца-лягушки и Царевны-лягушки не поддаются классификации в рамках традиционных антропоморфных фольклорных образов. Наши герои не являются оборотнями, потому что не меняется их внутренняя сущность; их превращение в лягушек не может быть отнесено к ведовству или оборачиванию, так как действуют они не по своей воле, что предполагается в названных случаях. Интересно, что вне тела лягушки Василиса Премудрая обладает способностью оборачиваться (т. е. принимать вид животного/птицы/рыбы, не теряя свойств личности, как это происходит при оборотничестве): после сожжения лягушачьей шкурки она белой лебедью

улетает в окно. Мотив зависимости превращённого персонажа от шкуры животного распространён в фольклоре разных народов («Ослиная шкура», «Братья-лебеди», русское предание о матери-рыси, муж которой сжёг шкуру и освободил её и т.д.). Но уничтожение лягушачьей кожи не освобождает Царевну. И Принц-лягушка теряет лягушачий облик вследствие *внутренних* изменений, а не наоборот. Следовательно, мы можем констатировать, что сюжет о лягушках царского происхождения имеет большее символическое и психологическое значение, чем бывает обычно при использовании тотемистических аналогий. Интересен вопрос о расхождении гендерных ролей главных героев в русской и немецкой традиции, но в данном исследовании мы не будем на нём останавливаться.

Итак, обратимся к сюжету братьев Grimm. Пообещав лягушке, доставшей со дна колодца потерянную драгоценность, дружбу, юная королева отказывается от своих слов, когда лягушка приходит к ней на обед. Король-отец стыдит девушку и, считая, что данное слово необходимо держать, позволяет скользкой амфибии есть из тарелки принцессы и жить в её комнате. Девушка с отвращением соглашается, не смея перечить отцу. Как видим, с помощью мужской прямолинейности и патриархальной традиции (поддержка отца) Принцу-лягушке удаётся добиться союза с принцессой. Однако истинной привязанности девушки он не получает. Уже лёжа в постели с принцессой, герой начинает плакать и сетовать на то, что ощущает себя ненужным и одиноким, лишённым обещанной нежной дружбы. И вот, когда Принц-лягушонок отважился открыть своё сердце принцессе, она смягчилась, пожалела его, уложила на свою подушку и поцеловала в зелёную щёчку. Далее следует счастливый финал — превращение в принца и любовный союз.

Считая излишним пересказывать сюжет русской сказки о Царевне-лягушке, перейдём к сопоставительному анализу этих произведений.

Урок, который извлекают из неприятной для себя ситуации обручения с лягушкой Иван-царевич и немецкая принцесса, оказывается одинаковым: надо держать своё слово, быть верным внутренней правде (данному обещанию или обычаю). Если тот, кто поймал стрелу, должен стать твоим суженым, как задумывалось, то этот зарок надо держать, приятно тебе сложившееся положение дел или нет, поскольку внешние условия не могут являться причиной отказа от внутренних принципов.

Но это только первый урок. Далее оба героя должны пройти через определённые изменения личной картины мира и своего отношения к происходящему. Характер этих изменений коррелирует с гендерными ролями героев. Девушка, посочувствовав Принцу-лягушонку, оказывается способной перешагнуть через неприятие внешнего безобразия и холодности (эгоизма) лягушки, проявить истинную женственность, жертвенность и любовь. Так же немецкая сказка учит и юношу: излишней прямолинейностью и утверждением своих прав не добьёшься настоящей любви. Для этого надо суметь быть искренним и доверчивым, раскрыть сердце. Только тогда спадает холодная кожа эгоизма.

Интересную трактовку этого мотива находим в менее распространённом и оттого менее разработанном в художественном плане сюжете «Король-лягушо-

нок или Железный Генрих» (источник тот же, собрание сказок братьев Гримм). Как видим из названия, эта сказка обладает более маскулинной направленностью, т. е. содержит урок в первую очередь мужчинам. Чтобы помочь Принцу-лягушке избавиться от эгоизма и холодности принцессе потребовалось здесь более радикальное воздействие: разозлённая его настойчивостью, она со всей силы бросает лягушку об стену, и та превращается в прекрасного принца. Метафизический же мотив готовности к внутренним изменениям ради любви переносится на слугу, из-за несчастия с принцем заковавшего себе сердце железными обручами и прозванного Железным Генрихом. После освобождения принца из-под власти заклятия и избавления от холодной шкуры эгоизма аллегорические железные обручи спадают и с сердца слуги:

«Когда его хозяин был обращен в лягушонка, верный Генрих так горевал и печалился, что велел оковать себе сердце тремя железными обручами, чтоб не разорвалось оно от горя и печали.

Усадил верный Генрих молодых в карету, а сам стал на запятках и радовался, что хозяин его избавился от злого заклятья.

Вот проехали они часть дороги, вдруг королевич слышит — сзади что-то треснуло. Обернулся он и крикнул:

— Генрих, треснула карета!

— Дело, сударь, тут не в этом,

Это обруч с сердца спал,

Что тоской меня сжимал,

Когда вы в колодце жили,

Да с лягушками дружили.

Вот опять и опять затрещало что-то в пути, королевич думал, что это треснула карета, но были то обручи, что слетели с сердца верного Генриха, потому что хозяин его избавился от злого заклятья и снова стал счастливым» [4].

При изменении гендера лягушки в русском варианте сказки прямолинейность в достижении эгоистических целей всё равно остаётся атрибутом героя-мужчины. Хотя целенаправленные действия Ивана-царевича не очень-то и оправданы. Василиса Премудрая, даже будучи лягушкой, не даёт супругу повода чувствовать себя униженным, по мере надобности она раз за разом репрезентует их семейное положение всё в более выгодном свете. Однако поспешность Ивана-царевича в достижении максимального личного удовлетворения (не будем затрагивать здесь сексуальный аспект, хотя и он, возможно, подразумевается) приводит к обратному результату. Какой урок может извлечь Иван-царевич, сжёгший лягушачью шкурку и потерявший жену? Возможно, типологически тот же, что и Принц-лягушка (не быть эгоистом и не пытаться решить все проблемы только рациональными способами), но в русской сказке нравственный посыл значительно глубже: надо верить женщине, учиться видеть сердцем, иметь мудрость доверять жене в её интуитивном стремлении к образу прекрасного будущего. Василиса, предчувствуя новую счастливую жизнь, вынашивает в сердце своём грядущие изменения, она заботится о муже, спрашивает, почто кручинится он, шутит о лягушонке в коробчонке... Иван-

---

царевич же действует в рамках базовой логики — и проигрывает. Не всегда короткий путь правильный, чаще бывает наоборот. Рациональное видение мира не приводит человека к счастью. Эта мысль является лейтмотивом всех русских сказок. Наиболее популярный герой русского фольклора — Иванушка-дурачок, который достигает счастья именно потому, что «дурачок». Он не обладает узконаправленным рациональным мышлением, присущим старшим братьям, ему не жаль времени на общение с животными, птицами и насекомыми, он способен воспринимать системную природу мира. Ивану-царевичу же этому надо научиться, проходя через испытания и убивая Кощея. Кощей, лягушачья кожа — не проявления ли это одного и того же холодного, безжизненного начала? Мы помним, что лягушка в некоторых мифологиях считается представительницей первородного ила, нижних слоёв бытия. Восточная мудрость гласит: лотос, чтобы стать лотосом, должен пройти через ил. Так и человек в своём личностном росте проходит стадию лягушачьей кожи, которую надо перерасти, доверяя людям, открывая сердце миру. И в то же время сказка учит, что за лягушачьей кожей, за несовершенством ближнего мы можем увидеть прекрасную душу, если сами способны верить и любить. Сказки о лягушках — это сказки о трансформации. Доверие, открытость, способность увидеть за лягушачьей кожей душу пробуждают любовь и превращают лягушку в принца или принцессу.

Аналогичный метафизический сюжет мы обнаруживаем в житийном жанре древнерусской литературы, в сказании о Петре и Февронии Муромских. Пообещав жениться перед началом лечения на Февронии, Пётр, выздоровев, осознал, насколько велико неравенство князя и простолюдинки, и не сдержал своего обещания. Но болезнь вернулась — и князь вынужден был жениться. В течение совместной жизни с мудрой Февронией не раз приходилось Петру осознавать ложность социальных предрассудков и переступить через свои прежние представления о мире, возвышаясь духом. С годами мелкое и суетное стало не властно над его душой. Получив право княжения в Муроме, Пётр отказывается от него и уплывает с Февронией на поиски тихого счастья вдвоём.

Как и в сказочном сюжете, где лягушка требует свадьбы, а герой соглашается, но потом жалеет о данном слове, Петру приходится ступить на путь отказа от ложных стереотипов и, отрёкшись от внешнего, прийти к истинному.

Сопоставление сказки с легендой о Петре и Февронии позволяет по-новому взглянуть на требование лягушки жениться. Звучащее от лягушки, оно представляется отчаянной мольбой о спасении. Однако в устах Февронии данное условие выглядит совершенно иначе. Девушка не преследует честолюбивых интересов, как мы видим в дальнейшем. Условие о супружестве она выдвигает в ответ на просьбу об исцелении: «Если бы кто-нибудь потребовал твоего князя себе, тот мог бы вылечить его... Я хочу его вылечить, но награды никакой от него не требую. Вот к нему слово моё: если я не стану супругой ему, то не подобает мне и лечить его» [6]. Это можно объяснить следующим образом. Известно, что женская любовь спасает мужчину. Не только в духовном, но и в физическом плане, что отражено в сказках, в песнях, произведениях как древних (Ярославна из «Слова о полку Игореве...»), так и современных писателей («Жди меня» К. Симонов; «Золото бунта» А. Иванов

и др.). Чтобы вылечить князя, Феврония должна его полюбить. Наверняка она также видит, что подобное развитие событий предопределено судьбой. «Не подобает лечить», если князь не согласен на ответную любовь, как не подобает девушке навязывать свою любовь мужчине. Обратим внимание, что, получив согласие Петра, чем лечит она его? — «Взяв небольшую плошку, зачерпнула ею хлебной закваски, дунула на неё и сказала: “Пусть истопят князю вашему баню, и пусть он помажет этим всё тело своё”» [6]. Лечит она его духом (дунула), т. е. своей любовью.

Е. Водолазкин, доктор филологических наук и автор романа «Лавр», ставшего финалистом «Большой книги-2013», утверждает, что «жанр жития возник не с христианством, а раньше, и использовал ту литературную модель, которую использовали древнегреческие мифы о героях» [3]. Сюжет о лягушке пришёл к нам очень издавна, через мифы, сказки и жития он стучится в нашу повседневную жизнь, чтобы сказать: меняйтесь, верьте, учитесь видеть сердцем, чтобы не сожалеть потом, вслед за чеховскими героями, о том, «как ненужно, мелко и как обманчиво было всё то, что нам мешало любить». «Когда любишь, то в своих рассуждениях об этой любви нужно исходить от высшего, от более важного, чем счастье или несчастье, грех или добродетель в их ходячем смысле, или не нужно рассуждать вовсе» [8], — писал А. П. Чехов, и этими словами мы хотели бы закончить размышления о превращении лягушки в принцессу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. URL: <http://flibusta.net/b/110924/read> (дата обращения: 22.06.2014).
- 2 *Бейтсон Г.* Экология разума: Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / пер. Д. Я. Федотова, М. П. Папуша. М.: Смысл, 2000. 476 с.
- 3 *Водолазкин Е. Г.* Интервью с Е. Г. Водолазкиным на вручении премии «Большая книга». URL: <http://www.liveinternet.ru/users/publizist/post310264393/> (дата обращения: 20.06.2014).
- 4 *Гримм В., Я.* Король-лягушонок или Железный Генрих. URL: <http://flibusta.net/b/74734/read> (дата обращения: 22.06.2014).
- 5 *Гримм В., Я.* Принц-лягушка. URL: <http://flibusta.net/b/158670/read> (дата обращения: 22.06.2014).
- 6 *Ермолай Еразм.* Повесть о Петре и Февронии Муромских. URL: <http://flibusta.net/b/264070/read> (дата обращения: 22.06.2014).
- 7 *Зенин С. В.* Структурно-информационные представления о состоянии водной среды // Вестник российской академии естественных наук. М.: Изд-во РАЕН. 2010. № 3. С. 56–63.
- 8 *Чехов А. П.* О любви. URL: <http://flibusta.net/b/10634/read> (дата обращения: 22.06.2014).

* * *

Zhuchkova Anna Vladimirovna,

*PhD. in Philology,
assistant-professor, department of Russian and Foreign Literature
Peoples` Friendship University of Russia,
Miklukho-Maklaya, 6, 117198 Moscow, Russian Federation
E-mail: capra@mail.ru*

FROG AS A SYMBOL OF PERSONAL DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN AND GERMAN FOLKLORE

Abstract: Genesis of the folklore image of a frog goes back to the mythological prototype. Its dominant feature is the relationship between frog and water (structure variable and sustainable at the same time). Also the symbolic value of the frog is motivated by the evolutionary transformations. The image of a frog in folklore symbolizes the ability of the hero to the moral changes. Metaphysical story about the love and the transformation of the hero goes from folklore in hagiographical medieval literature. In the story of Peter and Fevronia of Murom, we find some important points of a folk story about the frog Princess.

Keywords: folklore, Prince-frog, the transformation, the value of the frog in fairy tales.

REFERENCES

- 1 Afanas'yev A. N. *Narodnyye russkiye skazki* [Russian folk tales]. Available at: <http://flibusta.net/b/110924/read> (Accessed 22 June 2014).
- 2 Bateson G. *Ekologiya razuma: Izbrannyye stat'i po antropologii, psikiatrii i epistemologii* [Ecology of Mind: Collected essays in anthropology, psychiatry and epistemology], per. D. YA. Fedotova, M. P. Papusha. Moscow, Smysl Publ., 2000. 476 p.
- 3 Vodolazkin E. G. *Interv'yu s E. G. Vodolazkinym na vruchenii premii «Bol'shaya kniga»* [Interview with E. G. Vodolazkin at the «Big Book» Award Ceremony]. Available at: <http://www.liveinternet.ru/users/publizist/post310264393/> (Accessed 20 June 2014).
- 4 Grimm W., Ja. *Korol'-lyagushonok ili Zheleznyy Genrikh* [The Frog Prince or Iron Henry]. Available at: <http://flibusta.net/b/74734/read> (Accessed 22 June 2014).
- 5 Grimm W., Ja. *Pprints-lyagushka* [The Frog Prince]. Available at: <http://flibusta.net/b/158670/read> (Accessed 22 June 2014).
- 6 Yermolay Yerazm. *Povest' o Petre i Fevronii Muromskikh* [The Tale of Peter and Fevronia of Murom]. Available at: <http://flibusta.net/b/264070/read> (Accessed 22 June 2014).
- 7 Zenin S. V. Strukturno-informatsionnyye predstavleniya o sostoyanii vodnoy sredy [Structural and information presentation on the state of the aquatic environment]. *Vestnik Rossiyskoy akademii yestestvennykh nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences]. Moscow, Izd-vo RAYEN Publ., 2010, no 3, pp. 56–63.
- 8 Chekhov A. P. *O lyubvi* [About Love]. Available at: <http://flibusta.net/b/10634/read> (Accessed 22 June 2014).